

А. Н. Медушевский

Утверждение абсолютизма в России

Сравнительное историческое
исследование

DirectMEDIA

Андрей Медушевский

**Утверждение
абсолютизма в России**

«Директ-Медиа»

УДК 94(47).05
ББК 63.3(2)46

Медушевский А. Н.

Утверждение абсолютизма в России / А. Н. Медушевский —
«Директ-Медиа»,

Книга посвящена одному из наиболее важных и динамичных периодов русской истории – эпохе Петра I, который предстает в книге как реформатор нового времени. В отличие от всех предшествующих работ на эту тему, написанных как в нашей стране, так и за рубежом, в настоящей книге дается новая концепция петровских реформ. Рассматривая абсолютистское государство как фундамент и первый шаг на пути формирования современной тоталитарной системы, автор задается вопросом о его социальных основаниях, раскрывает значение таких институтов, как правящая элита, бюрократия и армия. Особое внимание в книге уделяется личности самого преобразователя – Петра Великого, которого автор рассматривает в ряду харизматических вождей прошлого и современности.

УДК 94(47).05
ББК 63.3(2)46

© Медушевский А. Н.
© Директ-Медиа

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА I	7
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ШКОЛА	8
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ	14
АБСОЛЮТИЗМА	
РУССКИЙ АБСОЛЮТИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ	20
ГЛАВА II	27
РУССКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ ДОПЕТРОВСКОЙ	27
ЭПОХИ	
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Андрей Медушевский

Утверждение абсолютизма в России

ВВЕДЕНИЕ

Наиболее актуальными для социальных наук XX в. оказались проблемы политической власти, природы правящего слоя, который реально ею обладает, и, наконец, механизмов осуществления этой власти. Власть – это такая форма организации общественных отношений, которая при определенных условиях позволяет одному социальному элементу влиять на поведение другого. Важнейшим ее видом является политическая власть, представляющая собой способность класса, группы или индивида проводить свою волю за счет контроля над основными институтами государственного управления. В свою очередь, социальный слой, оказывающий непосредственное влияние на принятие важнейших решений – правящая элита, – не является неизменным. Занимая привилегированное положение в обществе и контролируя основные рычаги власти, этот слой, несмотря на всю его закрытость, вынужден приспосабливаться к меняющимся условиям социального развития, средством чего служат его периодические структурные перестройки, перегруппировки сил, социальная мобильность. Особенно важными представляются его отношения с бюрократией, т. е. администрацией, непосредственно реализующей функции управления. Положение бюрократии явилось результатом длительной исторической эволюции, зависит от характера общественной системы в целом и неодинаково в политических системах разного типа. При изучении этих социальных явлений большое значение имеет их социологическая интерпретация. Существует, несомненно, объективное различие между историческим и чисто логическим подходом в научных исследованиях. Для историка главной проблемой становится вопрос о том, как проходит развитие данного явления во времени. Но возможен и другой подход к тому же явлению, состоящий в попытке раскрыть механизм его функционирования. При таком подходе центральным оказывается вопрос о том, почему данное явление вообще существует, работает так, а не иначе. Политическая социология позволяет, таким образом, перейти от описания исторических явлений к их анализу. Данный подход положен в основу этой книги.

Особенно интересно обратиться к анализу переломных эпох, когда происходят быстрые и радикальные изменения социально-политических структур. Именно таковой является эпоха Петра Великого и создания Российской империи. В это время происходили крупные изменения политической власти и ее институтов, шла острая борьба за власть, заметно менялся состав стоящих у власти групп и лиц, осуществлялись реформы административных учреждений и институтов. Новизна этой книги состоит в том, что предметом ее изучения является собственно политический процесс, т. е. та сфера общественной жизни, которая, несмотря на свою значимость, мало изучена, традиционно окутана завесой тайны и менее всего объяснена с точки зрения закономерностей своего функционирования. Ее предметом является, по существу, центральная проблема политической социологии – взаимоотношение между обществом и государством, между социальным строем и политическими институтами на стадии их резкого изменения. В соответствии с таким подходом в центре внимания оказываются социальная стратификация, социальный конфликт, механизм власти и управления в период утверждения абсолютизма в России.

При таком подходе необходимо выяснить, в какой мере изучаемые явления закономерны или случайны, типичны или уникальны, существовали однократно или повторялись периодически. Это в свою очередь требует фактического материала не только по России, но и по другим странам (единовременные горизонтальные срезы и стадийные сравнения). Необходимо,

далее, проведение целого ряда сопоставлений: во-первых, петровские реформы должны рассматриваться в сравнении с предшествующим и последующим состоянием русского общества; во-вторых, они сравниваются с крупнейшими реформами того же времени в других абсолютистских государствах, и, наконец, в-третьих, сравнение ведется по стадийному признаку (когда выявляются однотипные фазы крупных реформ, вне зависимости от времени и места их проявления).

Применение сравнительно-исторического метода всегда ставило исследователей перед необходимостью решить три принципиальных проблемы: что сравнивать; как сравнивать и как найти сопоставимые данные? Эти вопросы решены в книге следующим образом: объектом сравнения стали абсолютистские режимы Европы и Азии нового времени как такие политические системы, в которых государственная власть достигает значительного (в тенденции – абсолютного) контроля над обществом, охватывая своим влиянием социально значимые (а иногда практически все) стороны жизни индивида. Главная трудность при постановке сравнительных исследований состоит, однако, в ответе на второй вопрос – выборе ключевых параметров сопоставления. Ими являются в данном случае – политическая власть (система политических институтов), правящий класс (способ регулирования его статуса, престижа и благосостояния) и бюрократия (количественный рост, социальная и имущественная дифференциация, место в иерархии власти). Третьей проблемой становится получение сопоставимых данных об изучаемых явлениях. Они должны удовлетворять следующим условиям: быть достаточно обобщенными, иметь высокий уровень сопоставимости (по периодам и по странам), обладать доказательностью. Данное исследование опирается поэтому на три основных типа источников. Это – законодательство России и ряда стран Европы (сопоставимые юридические нормы), делопроизводственные документы государственных учреждений России накануне и в период проведения петровских реформ, а также последующего времени (прежде всего статистика), свидетельства современников, как русских, так и иностранных (политические сочинения).

Подход и метод определили структуру книги. Прежде всего в ней рассматривается, каким образом мировая наука прошлого и современности подходит к проблеме абсолютизма вообще и русского в частности. В центре внимания находятся отношения общества и государства, природа неограниченной власти, причины ее возникновения и последствия для общества (глава I). В книге определено место петровских реформ в перспективе развития русской государственности предшествующего и последующего времени, а также в мировом историческом процессе (глава II). Это позволяет показать реформы Петра Великого в контексте перехода от традиционной организации управления к рациональной и создания нового типа государственности. Особое внимание при этом уделяется личности самого преобразователя – Петра Великого, который рассматривается в ряду других харизматических вождей и реформаторов нового времени. Интерпретируя абсолютистское государство как фундамент и первый шаг на пути формирования современной тоталитарной системы, книга показывает его социальные и экономические основания, механизм функционирования сословного строя и политической власти (глава III), освещает процесс перегруппировки правящего класса в период утверждения абсолютизма в России и Европе (глава IV), соотношение правящей элиты (глава V) и бюрократии (глава VI) в период реформ. Проведенное впервые с точки зрения политической социологии и сравнительно-исторического метода, исследование утверждения абсолютизма в России позволяет лучше понять истоки и характер отношений общества и государства в России.

ГЛАВА I

АБСОЛЮТИЗМ КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

Проблемы отношения общества и государства, политическая власть, абсолютизм как теоретическая проблема и историческая реальность издавна стали предметом исследований в мировой науке. Большое внимание этим проблемам уделяли ученые главного научного направления русской исторической мысли второй половины XIX века – государственной школы.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ШКОЛА

Государственная школа – научное течение русской исторической мысли второй половины XIX в., во многом определившее последующее развитие исторической науки. Она имеет ярко выраженные признаки самостоятельного научного направления: специфический предмет и метод исследования, наличие длительной традиции. Предметом ее изучения являлся главным образом русский исторический процесс, методом – философия немецкого идеализма, а традиция представлена рядом поколений историков, философов и юристов¹. Сформулированная государственной школой концепция русского исторического процесса является высшим достижением историографии своего времени, представляет собой, по существу, социологическую концепцию, адекватно объясняющую факты и не утратившую эвристического значения до настоящего времени.

Философско-правовые взгляды государственной школы определили ее подход к русскому историческому процессу, роли государства в нем. В качестве основной проблемы выдвигалось соотношение общества и государства в русской истории, на отдельных ее этапах². В трудах историков государственной школы – С. М. Соловьева, Б. Н. Чичерина, К. Д. Кавелина, В. О. Ключевского, А. Д. Градовского, В. И. Сергеевича, М. Ф. Владимирского-Буданова, А. А. Кизеветтера, П. Н. Милюкова, а также историков государственного права – Н. М. Коркунова, П. И. Новгородцева, А. Н. Филиппова, В. Н. Латкина рассматривались основные теоретические вопросы изучения русского исторического процесса, была дана его цельная концепция, проведено конкретно-историческое исследование.

Развитие исторической мысли в середине XIX в. настоятельно требовало концептуального осмысления русского исторического процесса. Теория рассматривалась ведущими представителями государственной школы не как извне навязанная интерпретирующая схема, но как отыскание внутренней закономерности, саморазвития процесса русской истории, ее внутреннего смысла: «теория русской истории, – писал К. Д. Кавелин, – есть обнаружение законов, которые определили ее развитие»³. Этот поиск теоретического подхода обуславливался не только потребностями собственно исторической науки, накопившей к этому времени значительный запас фактических данных, но и общественным движением эпохи реформ, когда «русская история становится предметом общего любопытства и деятельного изучения». Важнейшее значение приобретал подход к истории общества как развитию целостного, взаимосвязанного социального организма, взятого во всей его сложности и единстве. Раскрывая общую идею главного труда своей жизни, С. М. Соловьев писал: «Не делить, не дробить русскую историю на отдельные части, периоды, но соединять их, следить преимущественно за связью явлений, за непосредственным преемством форм; не разделять начал, но рассматривать их во взаимодействии, стараться объяснить каждое явление из внутренних причин, прежде чем выделить его из общей связи событий и подчинить внешнему влиянию»⁴. Новизна рассматриваемой исторической концепции состояла в последовательном изучении соотношения общества и государства в их историческом развитии; выявлении объективных условий, в которых протекал русский исторический процесс; анализе состояния общества; характеристике роли государства в русском историческом процессе. Эта триединая задача реализовалась в исторической концепции, объяснявшей географический фактор, колонизацию страны, формиро-

¹ Медушевский А. Л. Гегель и государственная школа русской историографии / Вопросы философии. 1988. № 3.

² Милюков П. Л. Юридическая школа в русской историографии (Соловьев, Кавелин, Чичерин, Сергеевич). / Русская мысль. 1886. кн. 6.

³ Кавелин К. Д. Взгляд на юридический быт древней России / Монографии по русской истории. СПб., 1897. С. 66, 69.

⁴ Соловьев С. М. Сочинения. История России с древнейших времен. М., 1988. кн. 1. С. 51.

вание сословно- государственного строя. В соответствии с этим мы и рассмотрим воззрения государственной школы на русский исторический процесс.

Само обращение к проблеме влияния природных условий на жизнь общества явилось новым и плодотворным направлением в исторических исследованиях, далеко опередившим свое время. О ее плодотворности говорит, в частности, тот факт, что создатель современной экологической теории В. И. Вернадский несомненно находился под влиянием идей государственной школы по этой проблеме⁵. Ряд современных направлений западной исторической науки, как, например, школа «Анналов» и «евразийская теория» Г. В. Вернадского, обнаруживают определенную преемственность по отношению к этим идеям, разрабатывавшимся государственной школой впервые на русском материале. Уже С. М. Соловьев придавал географическому фактору решающее значение, подчеркивая, что в русской истории «ход событий постоянно подчиняется природным условиям». Он выделяет, в частности, такие особенности природных условий страны, как обширность и равнинность русской государственной области, роль рек как важнейшего условия освоения земель и складывания социально-экономических взаимосвязей между регионами. Он подчеркивает далее, что Россия как «ворота из Азии в Европу» породила специфический тип цивилизации. Сильной стороной такого подхода явилось взаимосвязанное рассмотрение естественно-географических и социально-политических, демографических процессов развития общества. Именно в этом состоит научная ценность синтезирующего (на междисциплинарном уровне) понятия «колонизация», на что в нашей литературе не обращалось должного внимания.

Колонизация предстает решающим фактором русской истории, обусловившим в конечном счете характерные черты социального и государственного развития. Известный тезис В. О. Ключевского, а впоследствии М. К. Любавского о том, что «история России есть история страны, которая колонизируется»⁶, представляет собой конкретизацию концепции Соловьева. Важно, однако, обратить внимание на то, что концепция Соловьева была во многом шире и более монистична, чем его последователей. Дело в том, что влияние географического фактора и колонизации на общественное развитие рассматривалось не непосредственно, но в связи с таким фактором, как отношение собственности на землю, то есть выступало в качестве материальной, экономической основы. Традиционный тезис о географическом факторе и роли колонизации у А. Д. Градовского обогащается новой чертой – им подчеркнута неоднозначность взаимодействия (не только сотрудничество, но и конфликт) между государством и колонизацией. Интересно, что решающая роль в процессе колонизации отводится именно народу, а не государству. Процесс вольной колонизации («народное движение») рассматривается как первичный и противопоставляется вторичному – колонизации государственной («правительство едва успевало следовать за этим народным движением»)⁷. В трактовке географического фактора и колонизации Н. М. Коркуновым имеется определенная специфика: особенности русской колонизации выявляются им в сравнительной перспективе⁸. Если западные государства приобретали колонии прежде всего в целях экономической их эксплуатации (решение метрополиями проблем избытка населения, рост обрабатывающей промышленности, получение удобных рынков сбыта товаров), то русская колонизация, считает он, носила прежде всего политический характер, в частности для обеспечения границ государства. В то же время он обращает внимание на специфику развития демографических процессов на Западе и в России.

Представители государственной школы позднего периода придали интерпретации географического фактора несколько иной смысл, связав его более тесно с процессом закрепоще-

⁵ Вернадский В. И. Размышления натуралиста. Научная мысль как планетарное явление. М., 1977.

⁶ Ключевский В. О. Курс русской истории. М., 1956. кн. 1. С. 30–31; Подробнее см.: Медушевский А. Л. Историческая концепция В. О. Ключевского / Ключевский В. О. Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1991.

⁷ Градовский А. Д. История местного управления в России / Собр. соч. СПб., 1899. Т.2. С.116–117.

⁸ Коркунов Л. М. Русское государственное право. СПб., 1893. Т.1.

ния крестьян, развитием производственных и вообще социальных отношений на Руси. Географический фактор изучался, например, Г. В. Вернадским в связи с особенностями развития русского феодализма вширь⁹. Постоянная борьба леса со степью в русской истории определила ход формирования социальных отношений и государственности.

В русле этой общей концепции предметом специального внимания ученого стало освоение Сибири. В работе на эту тему был сформулирован вывод о том, что вся сибирская колонизация – промышленное предприятие, цель которого – добыча драгоценных мехов, а орудие для этого – служилые люди. Подобную социально-экономическую трактовку географического фактора находим и у других историков, например, А. А. Корнилова. Интерес к роли географического фактора прослеживается в трудах и в рукописных материалах П. Н. Милюкова¹⁰. Так в «Лекциях по исторической этнографии» 1888 г. со всей определенностью подчеркивается «значение географии для русской истории», первостепенное влияние ее как на «процессы историко-этнографические», так и на «процессы колонизации страны», определившее движение славянского племени, его направление и способствовавшее в конечном счете «созданию народности»¹¹. В то же время географический фактор все более тесно связывается с экономической, хозяйственной историей страны, эволюцией социальных отношений и сословного строя¹².

Новым подходом в историографии явилось рассмотрение общества и государства в их противоречии, диалектическом развитии. Если для Н. М. Карамзина сами понятия общества и государства были тождественны, то уже само их разграничение, постановка вопроса об их отношениях и противоречиях у государственной школы открывали новые возможности исторического исследования. При рассмотрении данной проблематики в качестве определяющей идеи была взята идея государственного управления. Как известно, социальное управление есть воздействие на общество с целью его упорядочения, сохранения качественной специфики, совершенствования и развития. Была сконструирована своеобразная модель процесса становления и эволюции социальных структур и их значимости в процессе государственного управления. Эта модель, основанная на всей известной совокупности правовых источников, содержала рациональный принцип объяснения сословной структуры, ее специфики и связи с государственным управлением. При таком подходе каждый социальный слой рассматривался прежде всего с точки зрения его места в обществе и функционального назначения в нем. Общие основы такого подхода были заложены С. М. Соловьевым, К. Д. Кавелиным, Б. Н. Чичериным; в последующее время они стали модифицироваться от абстрактно-юридической к социологической их трактовке. Одной из характерных черт рассматриваемой концепции явилось сопоставление истории сословий в Европе и России, причем с выявлением специфики последней.

Специфика социальных процессов в России, в отличие от Западной Европы, виделась в особенностях ее геополитической ситуации: на Западе из-за отсутствия свободных пространств и высокой плотности населения фактор колонизации не играл такой значительной роли, как в России. В результате социальные противоречия не снимались, а наоборот, приобретали острый характер, решались путем борьбы. Это, как считал, например, Коркунов, вело к постепенному складыванию населения «в определенные, резко обособленные сословия», которые объективно противостояли государственной власти и ограничивали ее, добивались от нее гарантий сословных и личных прав подданных. Совершенно иной представлялась ситуация в России, где широкий простор земли, степи окружающих ее окраин давали возможность недо-

⁹ Вернадский Г. В. Очерк истории права русского государства XVIII–XIX вв. (Период империи). Прага, 1924; См. также рукописи Вернадского в его архиве: ГАРФ, ф. 1137, оп. 1, д. 36, л. 1–26.

¹⁰ Медушевский А. Л. Новые архивные источники о русских историках конца XIX – Начала XX в. / Советские архивы. 1988. № 6.

¹¹ ГАРФ, ф. 579 (П. Н. Милюков), оп. 1, д. 3385, 3386, 3493.

¹² Медушевский А. Л. П. Н. Милюков как ученый и политик / История СССР. 1991. № 4.

вольным элементам общества избегать борьбы с властью за счет освоения все новых земель. В результате «недовольные у нас не брались за оружие, а разбегались». Это развитие «вширь» приводило к снятию конфликтных ситуаций, отсутствию выраженных социальных противоречий, что в свою очередь вело к запаздыванию по сравнению с Западной Европой развития социальных отношений, формирования сословной организации общества. «Отсутствие скученности и простой оседлости населения делало невозможным и образование сколько-нибудь организованных сословий»¹³. Сословные различия при этом предстают как результат деятельности государственной власти, а не ее ограничение. В соответствии с этим и задачи самого государства в России были специфичны: они состояли не в утверждении светской власти для борьбы с враждебными сословными притязаниями, а в чисто хозяйственной функции – «чтобы собрать полуоседлое население и как-нибудь устроить его». Из противопоставления Европы и России исходил и Градовский. Если в Европе, считал он, феодальный строй объективно вел к формированию сословий как больших корпораций с определенными социально-экономическими интересами и выраженной самостоятельностью по отношению к государственной власти, то в России, где не было феодализма (в западном смысле), процесс этот шел совершенно по-другому, иначе¹⁴. Градовский, исходя из роли географического фактора и колонизации при объяснении процесса образования сословий, их закрепощения, решающую роль отводит государственному принуждению – тяглу. «Действительно, – считает он, – повинность, тягло создали и поддерживали у нас существование сословий; с постепенным освобождением от тягла, крепости, сословное деление теряет свой смысл, и старый земский дух с неудержимой силой пробивается вперед»¹⁵. Все сословия предстают как «продукт государственной деятельности, последствие разнообразных тягл, положенных на общество». Большой интерес в связи с этим представляет решение центральной проблемы – о крепостном праве в России и закономерности его возникновения. В этом процессе Градовский различает две стороны – экономическую (организацию налогообложения) и социальную (организацию службы и специального служилого сословия). Размышляя над судьбами крепостного права в России, ученый приходит к выводу о его объективно прогрессивном значении. Прикрепление крестьян к земле ограничивало начавшийся процесс их полного обезземеливания, превращения в холопов, переход всех земель в руки служилого сословия. В длительной исторической перспективе, подчеркивал Градовский, это делало возможным освобождение крестьян с землей. Городское сословие также рассматривается как продукт деятельности государственной власти, направленной на обеспечение ее финансовых нужд, тягла. В том же русле функционального подхода анализируется дворянство. Ограничение его прав собственности в рамках поместной системы выступает как инструмент обеспечения его военной и служилой функции.

Сама направленность исследований определилась интересом к государственно-правовой тематике. Попытка разрешить вопрос о генезисе русской государственности привела к анализу раннего периода истории, когда, по Эверсу, складывались родовые отношения, «когда начальники отдельных племен, возникшие из патриархального быта семейств, начинают основывать государства, – времени, на которое мы везде должны обращать внимание, чтобы уразуметь древнее право»¹⁶. С этих позиций подходил Б. Н. Чичерин к разработке концепции русского исторического процесса. Определяющую роль в ней играло «государственное начало»¹⁷. С ним прежде всего связывалась история общественных отношений древнего и нового времени: воз-

¹³ Коркунов Н. М. Русское государственное право. Т.1. С.167.

¹⁴ Градовский А. Д. Начала русского государственного права / Собр.соч. СПб., 1901. Т.7.

¹⁵ Градовский А. Д. История местного управления в России. С.239.

¹⁶ Эверс И. Ф. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. СПб., 1835. С.19.

¹⁷ Чичерин Б. Л. Курс государственной науки. М., 1896. Т.1–2.

ника «родовая теория» и связанная с ней теория «закрепощения сословий государством»¹⁸. Строительство государства потребовало создания специального военно-служилого сословия, а его материальное обеспечение сделало необходимым закрепление других сословий: «Все подданные укреплены таким образом к местам жительства или к службе, все имеют своим назначением служение обществу. И над всем этим господствует правительство с неограниченной властью»¹⁹. Как подчеркивал К. Д. Кавелин, «в Европе все делалось снизу, а у нас сверху»²⁰.

Специфику русского сословного строя государственники видели прежде всего в положении и судьбах крестьянства. Обосновывая концепцию закрепощения и раскрепощения сословий государством, С. М. Соловьев делал упор на объективном характере и исторической обусловленности этих мер: «Прикрепление крестьян – это вопль отчаяния, испущенный государством, находящимся в безвыходном экономическом положении»²¹. Необходимо подчеркнуть связь исторических взглядов представителей государственной школы и тех вопросов, которые ставило время. Все они – Кавелин, Чичерин, Соловьев, а позднее Ключевский, Градовский и другие – были связаны с общественной и публицистической деятельностью, преподаванием в университетах. Концепция закрепощения сословий государством выступала в условиях преобразований в качестве исторического обоснования необходимости проведения крестьянской реформы. В концепции государственной школы подчеркивалось, что закрепощение сословий, бывшее исторически обусловленным и необходимым в предшествующий период, затем, начиная с петровского времени и в течение XVIII в., сменяется постепенным раскрепощением сословий, прежде всего дворянства. Освобождение крестьян должно было завершить цикл освобождения сословий, открывавший новые основы гражданственности русского общества. В преддверии реформ это положение означало призыв правительства к решительным действиям²². Рост интереса к реформам Петра также следует рассматривать в этой исторической ретроспективе.

Обращает на себя внимание, каким образом государственная школа подходила к разграничению понятий «класс» и «сословие». Анализ взглядов ведущих ее представителей по этому вопросу позволяет констатировать, что если первое понималось как органически выросшее социальное образование, то второе – как государственно-правовое. Центральной проблемой при этом является вопрос об объективной связи отношений собственности с их правовым закреплением. В этой перспективе представляется актуальным по-новому взглянуть на «родовую теорию» С. М. Соловьева. Обычно, говоря о теории Соловьева, в качестве ее основного положения выдвигают концепцию родового быта, родовых отношений (откуда и сама теория получила свое название). Однако суть теории не ограничивается, на наш взгляд, этим подходом: ее основу составляет диалектика трех основных компонентов – рода, семьи и государства (согласно тому, как они представлены в гегелевской философии права), причем важно подчеркнуть, что каждой из этих форм общежития соответствует определенный тип собственности на землю. Именно эти отношения собственности и их постепенная эволюция в истории (под влиянием главным образом географических условий) составляют ее содержание. Теория Соловьева есть, следовательно, экономико-правовая модель возникновения государственности на Руси. Из такого понимания вытекает логика развития этой теории. Образование государственности, говорит Соловьев уже в первой (магистерской) своей диссертации, могло произойти только тогда, «когда понятия собственности, наследственности владения начали господство-

¹⁸ Чичерин Б. Л. О развитии древне-русской администрации / Опыты по истории русского права. М., 1855.

¹⁹ Там же. С. 383.

²⁰ Кавелин К. Д. О книге г. Чичерина «Областные учреждения в России в XVII в.» / Монографии по русской истории. СПб., 1904. С. 566.

²¹ Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом. СПб., 1903. С. 212.

²² Medushevskij A. L. Die theoretischen Grundlagen des Konstitutionalismus: Die staatliche Schule in der russischen Historiographie / Wissenschaftliche Zeitschrift Friedrich-Schiller-Universität. Jena. 1990. № 1–2.

вать над понятиями семейными, когда родовые отношения князей заменились отношениями их как правителей к своим подданным, когда земля, область, город привязали к себе князя тесными узами собственности, сделали его оседлым»²³. Выступая против традиционного в науке того времени положения о господстве удельного строя в Древней Руси и считая возможным говорить лишь о родовом строе в этот период, Соловьев аргументирует эту свою позицию тем, что характерные для удела отношения собственности – владения еще не имели места и можно говорить только о собственности определенного рода²⁴. Последующая эпоха раздробленности также выводится ученым из господства своеобразных отношений собственности. Соловьев прослеживает, как постепенно, с разложением родовых отношений (и, следовательно, родовой, неделимой собственности) возникают отношения семейные (которым свойственно представление об индивидуальной собственности и отдельном собственнике) и как, наконец, через их посредство формируются отношения государственные (при которых князь или государь становится единственным собственником всей земли государства). Отношения и противоречия двух форм собственности – родовой и государственной становятся стержневой идеей объяснения Соловьевым всего русского исторического процесса. Родовые отношения, охватывающие экономический быт городов, княжеско-боярской аристократии, других категорий населения (в рамках права перехода) и обеспечивающая их форма собственности – объективно сменяются государственными (с новой формой собственности). В этом историк видит, в частности, суть конфликта эпохи Грозного, «когда оба порядка вещей, родовой и государственный, дали друг другу последнюю отчаянную битву». В этом в значительной степени объяснение Смуты, которая оказалась своеобразной проверкой на прочность нового государства со стороны традиционных антигосударственных сил, представляющих родовое начало (боярство и казачество). Наконец, здесь причина последующей прочности боярской аристократии, отношений местничества вплоть до его отмены, а также той борьбы между дворянством и боярством, которая шла в петровскую эпоху и пронизывает собой весь XVIII в. К. Д. Кавелин, принимая рассмотренную периодизацию в целом, отмечал, однако, что в концепции Соловьева переход от родовых начал (родовая собственность, основанная на личных отношениях князей) к государственным не нашел достаточного обоснования, откуда взялись государственные начала он не объясняет. Вклад Кавелина состоял в том, что он выделил в качестве особого, самостоятельного – вотчинный период. В его триаде родовой этап переходит в вотчинный, а с начала XVIII в. – в государственный, когда Московское царство стало политическим целым. Несомненный интерес представляет попытка Кавелина связать проблему власти и земельной собственности: удельное право предстает как семейное, частное право, разрушающее постепенно общее родовое владение княжеского рода. Б. Н. Чичерин, в свою очередь, применительно к истории русского государства и права выделяет три эпохи: XVI в. – установление общественных повинностей (земское начало); XVII в. – правительственное начало; эпоха Петра открывает третий этап, когда «весь организм получил правильное, систематическое устройство».

Поиск внутреннего смысла и связи различных периодов народной жизни выдвигается как главный принцип исторического исследования. «Только предыдущие периоды жизни народа раскрывают нам смысл последующих», – подчеркивает Чичерин²⁵.

²³ Соловьев С.М. Об отношении Новгорода к великим князьям. М., 1843. С. 35.

²⁴ Соловьев С. М. История отношений между русскими князьями Рюрикова дома. М., 1847. С. III.

²⁵ Для классической русской историографии петровские реформы продолжали оставаться центральной проблемой научных споров и в начале XX в.: Милоков П. Л. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905; Богословский М. М. Областная реформа Петра Великого. М., 1902.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ АБСОЛЮТИЗМА

В современной науке анализ абсолютизма включает следующие крупные вопросы: определение понятия абсолютизма; выработка основных категорий, позволяющих выделить это явление из всей совокупности социальных процессов; типология абсолютистских режимов; периодизация абсолютизма как в рамках самого этого явления (выделение этапов его развития), так и в масштабах всего исторического процесса²⁶.

При изучении абсолютизма прослеживаются два направления: правовое, понимающее абсолютизм идеалистически, через сферу идей, политику и законодательство, и социологическое, ставящее целью построение социологической модели абсолютизма и изучение различных факторов, влияющих на его развитие, в том числе экономического и социального (структура общества, сословное деление, положение и функционирование различных социальных слоев). Идейные истоки первого направления восходят к философии права и историко-правовым работам конца XIX – начала XX в. (Г. Еллинек, Р. Иеринг, Г. Трейчке, О. Хинце). Общие теоретические посылки этого направления историографии определили его преимущественное внимание к истории государства и правовых идей, интерес к изучению европейского абсолютизма и прежде всего прусской государственности. В этом русле написаны работы по истории абсолютной монархии Р. Козера, О. Хинце, В. Моммзена, Р. Виттрама, К. Раумера, Ф. Хартунга, оказывающие значительное влияние на разработку проблемы²⁷. Взгляды социологического направления берут начало в социологической теории М. Вебера²⁸. С этим, направлением связана разработка в историографии вопросов социальной стратификации, социологии власти абсолютистских режимов²⁹. Для современного периода характерно сближение двух указанных направлений и их методов.

Центральной дискуссионной проблемой продолжает оставаться вопрос об определении понятия «абсолютизм», критериях его изучения. Отправной точкой современных дискуссий по этим вопросам остается доклад Р. Мунье (Франция) и Ф. Хартунга (ФРГ) на X Международном конгрессе историков «Некоторые проблемы абсолютной монархии»³⁰. Мунье предлагал «за определение абсолютизма признать то, что современники думают об их функционирующих правительствах», при этом ограничивая «современников» сторонниками абсолютизма и исключая фрондирующих феодалов, гугенотов и т.д. По мнению Хартунга, под абсолютизмом «в общепринятом смысле» следует понимать монархическое правительство, которое в осуществлении своей власти не ограничено местными автономными учреждениями. Неоднозначность подхода к проблеме в этом докладе получила продолжение в последующей литературе вопроса. В определении понятия абсолютизма прослеживается влияние идей права, социальной психологии, истории общественной и политической мысли, комбинирования различных факторов, принципиальный отказ от выработки общих понятий, признание необходимости поиска новых подходов к этой трудной проблеме. Более традиционные правовые определения характерны для литературы общего, энциклопедического типа, ряда исследований. «Абсолютизм, – пишет Э. Лусс, – каков он был в новое время, представляет собой монархию,

²⁶ Медушевский А. Л. Абсолютизм XVI–XVIII вв. в современной западной историографии / Новая и новейшая история. 1991. № 3.

²⁷ Absolutismus. Darmstadt. 1973; Der Aufgeklärte Absolutismus. Köln. 1974; Absolutismus. Frankfurt am Main. 1986; Kunitzsch J. Absolutismus. Göttingen. 1986; Duchhardt H. Das Zeitalter des Absolutismus. München. 1989.

²⁸ Bendix R. Kings or People. Power and the Mandate to Rule. Berkley, 1978.

²⁹ Armstrong J. The European Administrative Elite. Princeton, 1973; Aspekte des europäischen Absolutismus. Hildesheim, 1979.

³⁰ Lartung F., Mousnier R. Quelques problèmes concernant de la monarchie absolue. / Relazioni internazionali di scienze storiche. Roma, 1955.

в которой власть государя практически неограничена (абсолютна) со стороны всякой высшей власти или органов народного представительства... Исторически, или можно сказать генетически, абсолютизм есть вид монархии, в котором сохраняются различия между сословиями, но представители сословий приглашаются не более, как для совета»³¹. Правовой подход типичен для ряда работ по истории абсолютизма отдельных европейских стран: исследуются законодательство, правовая идеология абсолютизма, история государственных учреждений и церкви³². К этому кругу работ фактически примыкают исследования по истории политических учений и идеологических доктрин абсолютизма.

Большое внимание уделяется изучению взглядов на государство философов и политических деятелей прошлого (Н. Макиавелли, Ж. Боден, Г. Гроций, Т. Гоббс, Д. Локк, Ш. Монтескье, Ж. Руссо), интерпретации их учений для объяснения абсолютной монархии³³.

В новейшей литературе представлен и социально- психологический подход к проблеме. Он состоит в изучении восприятия современниками различных сторон и атрибутов абсолютной монархии (личность монарха, символика королевской власти, ее отражение в литературных и изобразительных памятниках и архитектуре)³⁴. Попытка на основе главным образом неофрейдистских взглядов сконструировать «объединяющую теорию королевской власти и аристократии» привела ряд исследователей к сочетанию различных методик.

Данный подход особенно характерен для работ по истории становления монархических государств Европы эпохи раннего средневековья. На исследования в этой области продолжают оказывать влияние концепции XIX в. (для истории Англии эпохи норманнского завоевания это, например, концепция Фримена, для истории Франции – Тьерри и др.). В то же время имеет место попытка с помощью социологической терминологии осмыслить такие проблемы, как становление «образа» монарха в раннем средневековье, отражения его в памятниках политической и правовой мысли этого времени, постепенное разграничение «монарха» и «деспота» как двух возможных вариантов королевской власти, наконец, создание мифа об абсолютном характере власти монарха, сложившемся в эпоху развитого абсолютизма³⁵. Очень информативно исследование народного сознания, представлений масс о государстве и государе, царистских настроений крестьянства. Кроме того, много дает изучение собственно идеологии абсолютизма, выражавшейся не только в праве, но и в процедуре коронации, отношениях с другими монархами, дипломатическом ритуале и т.п. По мнению ряда авторов, рассматриваемый подход даже более информативен, чем изучение институтов и правовых норм, поскольку он позволяет лучше раскрыть эволюцию лидерства, постепенное приобретение монархом харизматического характера. В сводных трудах по истории Европы периода абсолютной монархии это понятие используется как общепринятое и наполняется различным фактическим содержанием (по преимуществу история государственных институтов, войны, дипломатические отношения, события культурной жизни). В. Хубач в работе об абсолютизме специально подчеркивает, что его цель состоит не в синтезе, а в установлении канвы событий³⁶. Р. Виттрам считает, что понятия «феодализм», «абсолютизм» – это лишь инструмент, нечто условное, идеальное, суще-

³¹ Lousse E. Absolutismus, Gottesgnadentum, Aufgeklärte Absolutismus. / Der Aufgeklärte Absolutismus. Köln, 1974. S.89.

³² Barudio G. Absolutismus: Zerstörung der «liebertären Verfassung». Wiesbaden, 1976; Lehmann H. Das Zeitalter des Absolutismus: Gottesgnadentum und Kriegsnot. Stuttgart, 1980; Emmanuelli F.-X. Un mythe de l'absolutisme bourbonien: L'intendance du milieu du XVII – eme siècle a la fin du XVIII-eme siècle: France, Espagne, Amerique. – Aix-en-Provence. 1981.

³³ Meinecke F. Die Idee der Staatsräson in der neueren Geschichte. München, 1960; Skinner Q. The Foundations of Modern Political Thought. Cambridge, 1978.

³⁴ Kantorowicz E. The King's Two Bodies: A Study in Medieval Political Theology. Princeton, 1957; Couleat N, Planche A, Robin F. Le roi René: le prince, le mécène, l'écrivain, le mythe. Aix-en-Provence, 1982.

³⁵ Myers H.A. Medieval Kingship. Chicago, 1982; Guenée B. States and Rulers in later medieval Europe. Oxford, 1985.

³⁶ Hubatsch W. Das Zeitalter des Absolutismus, 1600–1789. Braunschweig, 1965.

ствующее только в воображении историка, а не в реальной жизни³⁷. Само понятие абсолютизм он ставит в кавычки.

В качестве попытки синтеза различных подходов к проблеме можно рассматривать применение в новейших работах методов социологии. Они позволяют выйти за пределы правового подхода к изучению государства, включить в поле исследования вопросы социальной структуры общества. Тенденции рассматривать абсолютизм только как абстрактное, условное или чисто юридическое понятие не исчерпывают содержание новейших работ. Для объяснения абсолютизма, его развития и функционирования изучаются социально-экономические факторы, влияние географических условий, характер феодальной системы хозяйства, иерархия феодального общества (система вассалитета, ленных отношений), эволюция абсолютизма и его социальных институтов (фиск, армия, право, отношения с церковью)³⁸. Предметом изучения стали вопросы социальной стратификации феодального общества, отношений его отдельных групп к монархической власти. Специальные исследования посвящены правящей верхушке, составу аппарата управления абсолютистских режимов стран Европы. Большое внимание, в частности, привлекают вопросы о соотношении аристократии и бюрократии в их отношении к власти и управлению, социальном составе и мобильности правящей элиты. Большой интерес вызывают исследования Р. Мунье по истории социальной иерархии, политических институтов и монархической власти Франции и Европы в целом³⁹. Это направление изучения абсолютизма признается перспективным в историографии, оказывает влияние на ряд конкретных работ. Вместе с тем ряд теоретических положений Мунье вызвал дискуссию, в частности, о правомерности применения таких разноплановых понятий, как классы, сословия, касты, при анализе социальных структур феодального общества⁴⁰. Абсолютизм предстает в историографии как общеевропейское явление, закономерная стадия развития государственности на всем европейском континенте. Отмечая закономерность и прогрессивность абсолютизма на начальной стадии его развития, авторы в то же время считают возможным рассматривать старый порядок прежде всего как выражение статуса, власти и привилегий земельной аристократии и городской олигархии. Вопреки традиционному подходу, в поле рассмотрения включаются не только страны классического абсолютизма, но и явления политической жизни итальянских княжеств, кантонов Швейцарии, ганзейских городов, Дании, Голландии, а также монархические тенденции в США, ряде других стран в эпоху буржуазных революций⁴¹.

Абсолютизм в концепции ряда авторов представляется не только как система традиционных сословных отношений, институтов и учреждений, освященных церковью и политической идеологией. Большое внимание справедливо уделяется такому важному фактору, как территориальная колонизация в эпоху Великих географических открытий: абсолютизм Англии, например, нельзя понять без ее колониальной политики, Испании – без Реконкисты, Португалии – без географических открытий, России – без освоения Сибири, Дальнего Востока. Фундаментальное отличие абсолютизма стран Восточной Европы (Пруссии, Австрии, России и Польши) видится в усилении крепостного права, слабости среднего класса, оформлении дворянства в качестве служилого сословия и огромной роли государства. Внешним выражением этих общих тенденций развития являлись слабость сословно-представительного начала, отсутствие неза-

³⁷ Wittram R. Peter I – Czar und Kaiser. Zur Geschichte Peters des Grossen in seiner Zeit. Göttingen, 1964.

³⁸ Kammler H. Die Feudalmonarchien: Politische und Wirtschaftlich- soziale Faktoren ihrer Entwicklung und Funktionsweise. Köln. Wien, 1974.

³⁹ Mousnier R. Les hierarchies sociales de 1450 à nos jours. Paris, 1969; Mousnier R. La monarchie absolue en Europe du V- e siècle à nos jours. P., 1982.

⁴⁰ Arriaza A. Mousnier and Barber. The theoretical Underpinning of the «Society of Orders» in Early Modern Europe. / Past and Present. 1980. № 89.

⁴¹ Beloff M. The Age of Absolutism. 1660–1815. London, 1966.

висимых сословных корпораций, сильная бюрократическая администрация и милитаризация управления.

При анализе степени разработанности концепции абсолютизма особый интерес представляют те работы, в которых подводятся итоги и намечаются перспективы дальнейших исследований проблемы. В этом отношении характерен ряд статей сборника о французском абсолютизме⁴². В них хорошо отражено обилие и противоречивость интерпретаций абсолютизма в современной исторической литературе: он определяется как феодальный, аристократический, аграрный, консервативный, буржуазный, прогрессивный, деспотический, конституционный, монархический, республиканский и т.д. Автор приходит к заключению, что необходимо «знать в точности, что именно мы стараемся измерить, и установить эталон для измерения. До тех пор пока мы не договоримся по этим вопросам, наша дискуссия останется лишь попыткой»⁴³. Справедливо отметив необходимость выработки единых критериев для анализа и тем более сравнения абсолютистских монархий, автор, однако не предлагает позитивных решений поставленных проблем. Сходная оценка историографической ситуации вопроса дана в статье «Что такое абсолютизм?». По мнению автора, вероятным ответом историка будет: «Давайте не говорить об абсолютизме, этом пустом слове, которое каждый понимает как хочет, этом любимом клише историков, которые торопятся»⁴⁴. Сам автор считает важной выработку общей концепции абсолютизма, но склоняется к традиционному правовому определению его как монархии с неограниченной властью.

Вопрос о возможности сравнительного изучения форм и типов абсолютных монархий продолжает быть предметом дискуссии в историографии. Проблема сравнительного изучения истории и его критериев – это оселок, на котором проверяется принадлежность исследования к той или иной исторической школе: проблема сравнительного изучения и вопрос о типологии социальных процессов выводит исследователя на более общий и принципиальный вопрос – о закономерностях исторического процесса. В историографии абсолютизма различаются два подхода к проблеме – как полное отрицание возможности и полезности сравнения и типологии «совершенно индивидуальных», несопоставимых типов, так и признание, иногда с оговорками, его возможности. Наиболее крайние взгляды Хартунга о невозможности сравнительного изучения являются логическим завершением идеалистического подхода и одновременно реакцией на попытки произвольных сравнений (например, у авторов, нашедших в Европе два типа абсолютизма: один – романский и германский, другие – островной и континентальный)⁴⁵.

Английский историк М. Андерсон выделяет на основании обзора всех европейских вариантов три типа абсолютизма, характерных для трех групп государств, различавшихся по признаку степени и характера самостоятельности монархической власти, не объясняя причин этих различий⁴⁶. Единых критериев, которые дали бы основу для сравнительного изучения, не прослеживается в обобщающих работах о европейском абсолютизме (Р. Мандру, В. Хурбач, С. Пилложе, С. Шаньо)⁴⁷.

Отсутствием единой теории абсолютизма и критериев сравнения объясняется многофакторность сопоставлений, периодизации и классификации различных вариантов абсолютных монархий. Сравнение абсолютизма ведется чаще всего не по стадияльным, а по хронологически совпадающим периодам развития.

⁴² Louis XIV and Absolutism. L., 1976.

⁴³ Kossmann EN. The Singularity of Absolutism. / Ibid. P.13.

⁴⁴ Durand G. What is Absolutism? / Ibid. P.18.

⁴⁵ Люблинская А. Д. Франция при Ришелье. Французский абсолютизм в 1630 – 1642. Л., 1982.

⁴⁶ Anderson M. Europe in the Eighteenth Century 1713–1783. L., 1970. абсолютизме (Р. Мандру, В. Хурбач, С. Пилложе, С. Шаньо)

⁴⁷ Pillogée S. Apogée et déclin des sociétés d'ordres, 1610–1787. P., 1969; Chagniot J. Les temps modernes, 1661–1789. P., 1973; Mandrou R. L'Europe «absolutiste». Raison et raison d'état. 1649–1775. P., 1977.

Периодизация развития абсолютистских государств дается без теоретического обоснования. В качестве критериев выбираются различные признаки. Частой является попытка ассоциировать эпоху с деятельностью того или иного монарха (Петр I, Фридрих II, Екатерина II).

Большое место, отводимое историографией Просвещенному абсолютизму за счет изучения ранних стадий развития абсолютной монархии, имеет некоторое объяснение в традициях правовой мысли XIX – начала XX в.⁴⁸ В правовой литературе того времени стало ходячим противопоставление парламентского государства нового времени «кулачному праву» феодальных времен. С точки зрения борьбы за «правовое государство» как один из ее этапов и рассматривался Просвещенный абсолютизм. Поэтому именно на материале этой эпохи идет в современной литературе разработка концепции абсолютизма и шире – концепции государства вообще. В этой области накоплен большой фактический материал и разработан понятийный аппарат.

С конца 70-х годов дискуссии по проблемам сравнительного анализа и типологии абсолютистских режимов приобрели новый импульс⁴⁹. Проявлением данной тенденции стал рост интереса исследователей к проблемам экономической и социальной базы абсолютизма, изучению социальных конфликтов, степени их воздействия на эволюцию различных типов абсолютизма⁵⁰. Абсолютизм, считает П. Андерсон, это не столько баланс сил между классами, сколько новая форма правления на старой основе, аппарат феодального господства дворянства. Исходя из этого общего понимания абсолютизма, автор дает характеристику двух основных исторических типов абсолютизма – западноевропейского и восточноевропейского, критерий подразделения которых состоит в специфике развития феодальных отношений в этих регионах⁵¹. В Западной Европе, с переходом от натуральных форм ренты к денежной, социально-экономический контроль феодалов над крестьянством ослабевал, что потребовало от них укрепления своей власти – отсюда ее направление развития в сторону централизации, утверждения абсолютизма. Из хаоса феодальных войн (Алой и Белой Роз, Столетней, Кастильской гражданской войны) появились «новые» монархии во время правления Людовика XI во Франции, Фердинанда и Изабеллы в Испании, Генриха VII в Англии и Максимилиана в Священной Римской империи. Это нашло выражение в укреплении аппарата королевской власти, чьей постоянной политической функцией было подавление крестьянства и низов социальной иерархии. Государственная машина, кроме того, предназначалась для подавления групп и индивидов в рамках самого господствующего класса. Великий кризис, потрясший экономику Европы в XIV–XV вв., имел свои последствия на Востоке Европы (к востоку от Эльбы), где в XVI в. усилилась феодальная эксплуатация крестьянства. Политическим результатом этого в Пруссии и России стал восточный абсолютизм, современный западному, однако принципиально отличный по своему происхождению. Если абсолютистское государство на Западе было развернутым политическим аппаратом феодального класса, который принял коммутацию повинностей (замену натуральных на денежные), то абсолютистское государство на Востоке, напротив, было репрессивной машиной феодального класса в условиях консолидации крепостничества и скудного развития городской автономии.

Иной подход к построению типологии абсолютистских режимов находим в работе Т. Скокпол, где в основу положена типология конфликтов: речь идет об интерпретации структурных изменений в отношениях общества и государства в процессе социальных революций, причем дается анализ этих изменений в конкретно-исторических условиях разных стран⁵². Задача

⁴⁸ Ардашев П. Н. Абсолютная монархия на Западе. СПб., 1902; Кареев Н. И. Западноевропейская абсолютная монархия XVI–XVIII вв. СПб., 1908; Ковалевский М. М. История монархии и монархических доктрин. СПб., 1912.

⁴⁹ Шидер Т. Возможности и границы сравнительных методов в исторических науках / Философия и методология истории. М., 1977.

⁵⁰ Hobsbawm E. The Age of Revolution. 1789–1848. L., 1962.

⁵¹ Anderson P. Lineages of the absolutist State. L., 1974.

⁵² Skocpol T. States and social Revolutions. Cambridge, 1979.

такой типологии состоит в раскрытии в каждом конкретном случае комбинации социальных сил, которые делают возможным успешное осуществление социальной революции. Абсолютизм в рамках данного подхода выступает, следовательно, лишь как один из социальных факторов в процессе формирования определенного социального конфликта.

В ходе обсуждения проблем сравнительного изучения абсолютизма новую точку зрения высказала английская исследовательница М. Фулброк. Она критикует подход Андерсона за априористичность, стремление выделить «чистые» типы и формы развития социальных процессов, а также телеологизм, состоящий в предположении, что исторический процесс развивается целесообразно⁵³. Недостаток данной концепции она видит также в статичности рассмотрения социальных структур. В свою очередь и подход Скокпол вызывает критику в связи с тем, что он ограничивает сравнение сопоставлением лишь социальных структур, в которых растворяются отдельные группы, личности и не встает вопрос о мотивации их действий.

⁵³ *Fulbrook M. Piety and Politics. Religion and the rise of Absolutism in England, Wurtemberg and Prussia. Cambridge, 1983.*

РУССКИЙ АБСОЛЮТИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ

История русской государственности, прежде всего обращение к опыту крупнейших реформ прошлого и современности, выявление общих тенденций этих социальных процессов, их динамики и ряда ключевых параметров, принадлежит к числу наиболее актуальных проблем⁵⁴.

Дискуссия об абсолютизме в историографии 1968–1975 гг. сосредоточила внимание на вопросе о его социальной и классовой природе. В центре дискуссии оказалась проблема соотношения феодальных и буржуазных элементов в его социальной природе. В ходе дискуссии большинство историков не поддержало тезис предшествующей историографии 50-х годов о «равновесии сил» между дворянством и буржуазией как необходимым и достаточном условии существования абсолютизма вообще и русского абсолютизма в частности. При рассмотрении социальной природы русского абсолютизма и оценке его места в русском историческом процессе по этому вопросу выявились различные точки зрения⁵⁵. Исходя из тезиса об отсутствии баланса классовых сил дворянства и буржуазии в России XVII–XVIII вв., А. Я. Аврех сделал вывод о том, что «абсолютизм – это такая феодальная монархия, которой присуща, в силу ее внутренней природы, способность эволюционировать и превращаться в буржуазную монархию»⁵⁶. Он отстаивал, далее, точку зрения о насаждении буржуазных отношений государством «сверху», причем определял абсолютизм как «дитя предбуржуазного периода» развития, социальной опорой которого является крестьянство. В свою очередь, М. П. Павлова-Сильванская предложила интерпретировать русский абсолютизм как восточную деспотию, которая «формируется в борьбе с монгольской империей и ее наследниками на базе натурального хозяйства и общинной организации деревни, а затем укрепляется в процессе создания поместной системы, закрепощения крестьянства и перехода к внешней экспансии»⁵⁷. Суммировав, таким образом, черты сходства русского абсолютизма и азиатских форм правления, она, однако, не показала некоторых существенных черт его сходства с европейским абсолютизмом, на что указывали другие участники дискуссии: наличие отдельных, хотя и слабо выраженных, элементов сословного представительства в виде Земских соборов, влияние христианской религии и характер ее отношений с государством, несколько более сильное влияние так называемых предбуржуазных отношений, чем это было на Востоке, наконец, сильная европеизация, выразившаяся в перестройке дворянского мировоззрения на западный манер и реформах государственного аппарата абсолютизма по европейскому образцу. Кроме того, неизвестно до какой степени социально-экономическое развитие России периода позднего феодализма может быть приравнено к азиатскому способу производства и восточным формам производственных отношений, которые, как считают специалисты, лежали в основе государства типа восточной деспотии: по этим вопросам в историографии нет полного единства взглядов. Подчеркнем в связи с этим, что русский абсолютизм безотносительно к его социальной природе был европейски ориентированным, что находило яркое выражение в стремлении к восприятию европейской культуры и готовности для этого «прорубить окно в Европу».

Дискуссия об абсолютизме показала, что вопросы складывания предпосылок, утверждения и развития абсолютизма в России вызывают различные трактовки в историографии и

⁵⁴ Медушевский А. Н. Российская государственность XVII–XVIII вв. в освещении современной немарксистской историографии / История СССР. 1988. № 6.

⁵⁵ Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). М., 1964.

⁵⁶ Аврех А. Л. Русский абсолютизм и его роль в утверждении капитализма в России / История СССР. 1968. № 2. С. 87; *его же*. Утраченное равновесие / История СССР. 1971. № 4.

⁵⁷ Павлова-Сильванская М. Л. К вопросу об особенностях абсолютизма в России / История СССР. 1968. № 4. С. 83.

нуждаются в дальнейшем изучении⁵⁸. Как историческое явление, абсолютизм имел место и в Европе, и в России. Однако если в Западной Европе он в значительной степени являлся продуктом баланса классовых сил дворянства и буржуазии, то в России существовала большая специфика: абсолютизм формируется здесь еще до появления буржуазных отношений или в лучшем случае в период их зарождения. Это привело к громадной относительной самостоятельности государства в России и сделало его субъектом исторического процесса в большей степени, чем это было в Европе. Отсюда происходил целый ряд особенностей абсолютистского государства в России, делавших его непохожим на абсолютизм Европы. Лишь в сравнительно недавнее время черты развития государственности в России стали предметом отечественной историографии. Благодаря трудам С. М. Троицкого, П. А. Зайончковского, Н. П. Ерошкина⁵⁹, а в последнее время – Н. Ф. Демидовой, появилась возможность сквозного рассмотрения указанных тенденций эволюции государственных учреждений за довольно длительный период времени, а также для получения ряда количественных параметров для сравнения⁶⁰. Эти данные вполне согласуются с наблюдениями западных ученых. Так, проблема институционализации новых управленческих процедур в период создания Петром I коллегиальной системы и последующий период, поставленная еще М. Раевым⁶¹, нашла более подробное освещение в трудах К. Петерсона, Р. Крамми, Э. Амбургера, других исследователей, указывающих прежде всего на то обстоятельство, что при сохранении известной преемственности новая система учреждений означала в то же время радикальный разрыв с предшествующей практикой управления⁶². Качественно новыми чертами петровской и всей имперской административной системы по сравнению с приказной системой Московского государства стали унификация, централизация и дифференциация функций аппарата управления, а также известная его милитаризация, свойственная вообще абсолютистским режимам⁶³. В связи с вопросом о преемственности реформ Петра, предметом дискуссии становится природа русской государственности предшествующего периода. В традициях государственной школы социально-экономическое развитие Московского государства и сословные отношения в нем рассматриваются прежде всего как сфера государственной политики. При характеристике политической системы, которую Петр должен был унаследовать от своих предшественников, используется веберовская модель такого типа государственности, признаками которой были – универсальный режим служебных обязанностей и повинностей, подчинение действий большинства индивидов физическим ограничениям, экономические стеснения и бюрократический контроль во благо государства. Согласно концепции, разделяемой Г. – Й. Торке, Р. Хелли, Р. Крамми и другими, все сословия данного общества существуют лишь постольку, поскольку несут повинности государству⁶⁴. Для данного типа государственности поэтому характерна большая самостоятельная роль в распределении поземельной собственности, а также такие черты деятельности, как монополизация торговли наиболее выгодными товарами, вином, жесткий контроль над всякой частной инициативой, всеобщая круговая порука. Отметим, что в последнее время все эти вопросы

⁵⁸ Кристенсен С. О. История России XVII в. Обзор исследований и источников. М., 1989. С.235–237.

⁵⁹ Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство XVIII в.: Формирование бюрократии. М., 1974; Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978; Ерошкин Н. Л. Крепостническое самодержавие и его политические институты. М., 1981.

⁶⁰ Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987.

⁶¹ Raeff M. Imperial Russia. 1682–1825. The coming of Age of modern Russia. N. – Y., 1974.

⁶² Amburger E. Geschichte der Behördenorganisation Russlands von Peter dem Grossen bis 1917. Leiden, 1966; Peterson C. Peter the Great's administrative and judicial Reforms. Swedish antecedente and process of reception. Stockholm, 1979; Crummey R. Aristocrats and Servitors: the bojar elite in Russia. 1613–1689. Princeton. 1983.

⁶³ Базгер Х. Реформы Петра Великого. Обзор исследований. М., 1985.

⁶⁴ Torke H. Die Staatsbedingte Gesellschaft im Moskauer Reich: Zar und Zemlja in der altrussischen Herrschaftsverfassung, 1613–1689. Leiden, 1974; Hellie R. Slavery in Russia. 1450–1725. Chicago, 1982; Crummey R. The formation of Muscovy. 1304–1613. N. – Y., 1987.

стали предметом живого обсуждения в связи с проблемой характера и степени развития земского начала в Московском государстве XVII в. В новейших работах большое внимание уделяется верхам общества – служилому сословию, его структуре (Государев двор), значению боярства как правящей элиты, роли местничества как регулятора социальных отношений. В связи с предысторией петровских реформ государственного управления в центре внимания вполне закономерно оказывается вопрос о состоянии административного аппарата, формировании и развитии централизованной бюрократии – дьяков и подьячих. Давая широкую панораму реформ первой четверти XVIII в., А. Левиттер неожиданно приходит к утверждению, достаточно, впрочем, распространенному в западной историографии, об отсутствии у царя программы реформ, хаотичности их проведения⁶⁵. В то же время автор, противореча себе, отмечает, что в своей политике Петр, безусловно, руководствовался определенным идеалом: он стремился создать регулярное или полицейское государство по образцу западноевропейских абсолютистских монархий, где вся жизнь подданных становилась объектом регламентации на военный манер. Возникает вопрос, не свидетельствует ли наличие идеала предполагаемого государственного устройства, который автор находит у Петра, признаком определенной и вполне выраженной целенаправленности действий реформатора, по крайней мере – стремления реализовать потенциальные возможности желательной модели государственного устройства? Далее, концепция бесплановости реформ предполагает, по-видимому, наличие определенного и ясного понимания их антитезы, т. е. реформ, осуществляемых по плану. Но можно ли вообще привести примеры полностью «плановых» реформ петровского масштаба в указанный период времени? Можно ли, например, говорить о том, что реформы Просвещенного абсолютизма Фридриха II, Иосифа II, Екатерины II и т.д. носили плановый характер? Вероятно, лишь с существенными оговорками, с учетом воздействия на них быстро меняющихся внутри- и внешнеполитических факторов. Отметим в этой связи, что для западных историков вообще свойственны полярные оценки Петра как государственного деятеля: одни авторы считают его революционером, другие – консерваторм. Очень велик диапазон оценок самих реформ (их удача или провал), определения их места в истории. Английский историк Х. Сетон-Уотсон высказал, например, интересную мысль о возможности их сравнения с реформами в развивающихся странах, а самого Петра с Кемалем Ататюрком⁶⁶. Такой подход действительно позволяет понять многие характерные черты петровских реформ в истории нового времени. Подчеркнем, что такая постановка вопроса сама по себе говорит о внутренней цельности и определенной последовательности в деятельности преобразователя. В свою очередь, точка зрения о спонтанности реформ, высказанная впервые В. О. Ключевским и П. Н. Милюковым в специфических исторических условиях предреволюционной России, несомненно содержала в себе некую априорную презумпцию и нуждается поэтому в критическом переосмыслении. В этой связи центральное место занимает вопрос о взаимосвязи реформ и военных действий.

Большую историографическую традицию имеет вопрос об итогах и значении петровских реформ. Как в предшествующей, так и в современной историографии на него давались прямо противоположные ответы. Ряд авторов считает, что в своем намерении создать настоящее регулярное государство Петр и его советники потерпели неудачу, поскольку эти тенденции вступили в острое противоречие со старомосковской традицией административной практики. В процессе реформ Петр не ослабил патриархальный характер своего правления: введение бюрократического начала не изменило природы служилого государства, но лишь усилило его. Новая петровская империя, в которой хронически не хватало людей и ресурсов, накладывала повышенные обязательства на все слои населения, но мало могла дать взамен. Разрыв между просветительскими намерениями и идеалами и действительной политикой правительства увели-

⁶⁵ См. вводную статью А. Левиттера в кн.: *Pososhkov I. The Book of Poverty and Wealth*. Stanford, 1987.

⁶⁶ *Seton-Watson H. The Russian Empire. 1801–1917*. Oxford, 1967.

чивался все более. Результатом реформы явилось усиление служилого начала и увеличение податей. В результате уже сразу после смерти Петра началась реставрация дореформенных порядков, для ликвидации дефицита бюджета стали сокращаться расходы на армию, флот и государственный аппарат, дерационализация управления вела к отмене многих новых институтов и восстановлению старых. Между тем в более длительной исторической перспективе становится очевидным, что сам тип государственности, созданный Петром, система учреждений, принципы служебной иерархии (Табель о рангах), положение церкви – все это и многое другое сохранили свое значение на всем протяжении существования абсолютизма в России. Об устойчивости и стабильности выявленных тенденций развития государственного аппарата свидетельствует уже тот факт, что они продолжали развиваться на всем протяжении существования старого порядка в России. Примечательна в этом отношении позиция ряда новейших западных исследователей проблемы, которые, в принципе соглашаясь с этим наблюдением, подчеркивают, однако, что процесс не шел однолинейно, по прямой, в нем были существенные зигзаги. Одним из них признается ревизия результатов административных реформ Петра в послепетровский период, приведшая к отказу от многих нововведений как в центральном, так и в местном аппарате управления, известной его дерационализации, возвращению к приказным порядкам⁶⁷.

Значительное внимание изучению социального строя, реформ первой четверти XVIII в. уделил американский историк М. Раев⁶⁸. Его взгляды на русский абсолютизм, историю господствующего класса и Российского государства типичны для многих западных историков. Следуя в основном концепции государственной школы о роли государства в истории России, Раев видит его отличительную черту в том, что «правители Московии преуспели в предотвращении развития социальных классов в сословия и население России было «атомизировано» в очень ранний период истории». Исходя из этих посылок, Раев дает следующее объяснение крупным реформам российского абсолютизма XVIII–XIX вв.: основными факторами реформ он считает желание государства установить регулярные связи (каналы коммуникации) между правительством и народом, необходимость координации в деятельности правительственных учреждений, стремление увязать управление с обеспечением прав личности. При этом в деятельности государственной власти в разные периоды преобладали различные мотивы.

Административные и судебные реформы Петра I в сравнении со шведским опытом изучил шведский историк К. Петерсон. Автор сопоставил однотипные русские и шведские учреждения и законодательные акты для получения выводов об их структуре и юридическом статусе. Историко-правовой подход характерен для ряда работ по истории государственного строя России петровского периода (судопроизводство, история отдельных учреждений и др.), важнейших законодательных актов абсолютизма (Табель о рангах).

Стремление выйти за пределы традиционного правового подхода к проблеме абсолютизма проявляется в работах по социальной стратификации. Правящая элита петровского абсолютизма стала предметом конкретно-социологического изучения в работах американского историка Р. Крамми.

Если обратиться к новым исследованиям западных историков о реформах второй половины XVIII в., то в них преобладает концепция преемственного, поступательного развития русской административной системы. Более того, как справедливо подчеркивается в трудах Р. Джонса, Р. Гивенса⁶⁹ и ряда других авторов⁷⁰, преобразования Екатерины II в области мест-

⁶⁷ Oswalt J. Die Nachfolger Peters des Grossen von 1725 – bis 1730. Handbuch der Geschichte Russlands. Stuttgart, 1985. Band 2.

⁶⁸ Raeff M. Comprendre l'ancien regime russe. Etat et société en Russie imperiale. P., 1982.

⁶⁹ Dukes P. Catherine the Great and the russian Nobility. Cambridge, 1967; Givens R. Eighteenth – century nobiliary Career Patterns and provincial Government / Russian Officialdom. Chapel Hill, 1980; Jones J. Provincial Development in Russia: Catherine II and Jacob Sivers. New Brunswick, 1984.

⁷⁰ Hildermeier M. Bürgertum und Stadt in Russland. 1760–1870. Rechtliche Lage und Soziale Strukturen. Köln, 1986.

ного управления и городов вообще нельзя понять без учета традиции их организации, идущей от Петра. Влияние идеологии Просвещения и Просвещенного абсолютизма на организацию административной системы также усматривается прежде всего в ее рационализации и модернизации по европейскому образцу, проявлением чего стали некоторые идеи известного Наказа императрицы о перестройке управления и судопроизводства⁷¹. Перед исследователями этих реформ традиционно встают, однако, вопросы о степени реализации этих деклараций, их значения в организации административной системы Просвещенного абсолютизма. В центре внимания при таком подходе неизбежно оказывается Уложенная комиссия, интерпретация административной и политической истории которой в значительной мере проливает свет на социальную природу Просвещенного абсолютизма⁷².

Административные реформы эпохи Просвещенного абсолютизма, до последнего времени не становившиеся предметом специального внимания исследователей, начинают изучаться систематически. В этом отношении характерен труд американского историка Дж.П. Ледонна⁷³. В его постановке вопроса центральной проблемой оказывается вопрос о социальных основах политической власти, механизм власти и управления, соотношение в нем институтов и социальных структур, которое определяет, по существу, его облик и деятельность в рассматриваемую эпоху. Исходя из того, что Россия, как и другие государства того времени, была «незавершенным» государством, находящимся, так сказать, на стадии формирования, автор считает важнейшими его признаками стремление к систематизации, интеграции и унификации, не объясняя, однако, причин этого процесса. На своем материале Ледонн подтверждает тезис о том, что в ходе радикальных административных реформ происходило развитие фундаментальных принципов, заложенных Петром, а не их изменение, ревизия.

Сходные принципы интерпретации перестройки политических институтов и государственных учреждений прослеживаются и в литературе о Крестьянской реформе 1861 г. и последующих административных преобразованиях. В новых работах Д. Филда, Т. Эммонса, Д. Орловского, Б. Линкольна и ряда других авторов находим развернутое обоснование данного подхода к проблеме⁷⁴. Б. Линкольн исходит из того, что государство – решающий фактор в процессе реформ, а потому обращается непосредственно к изучению эволюции характера и структуры административной системы кануна реформы. Рационализация аппарата, дифференциация его функций и специализация подразделений предстают, таким образом, как общие черты административной системы России, которые совершенствовались в процессе реформ.

Наряду с институциональными переменами важнейшей стороной всякой реформы является реорганизация управленческой службы – бюрократии. Как известно, современная наука об обществе развивается под сильным влиянием социологической теории, основы которой были заложены М. Вебером. Видное место в ней занимает объяснение принципов рациональной организации общества, а в связи с этим и того социального слоя – бюрократии, который является ее носителем и наиболее законченным выражением.

При изучении перехода от традиционной организации управления к его рациональной организации ключевой проблемой становится вопрос о соотношении знати – боярской или дворянской аристократии и новых людей⁷⁵. Соотношение представителей старых аристократических фамилий и бюрократии, постепенно выдвинувшейся в ходе развития государственного

⁷¹ *Madariaga I.* Russia in the Age of Catherine the Great. London, 1981.

⁷² *Ransel D.L.* The Politics of Catherinian Russia. The Panin Party. New Haven, 1975.

⁷³ *LeDonne J.* Ruling Russia. Politics and Administration in the Age of Absolutism: 1762–1796. Princeton, 1984.

⁷⁴ *Emmons T.* The Russian landed Gentry and the Peasant Emancipation of 1861. Cambridge, 1968; *Field D.* The End of Serfdom. Nobility and Bureaucracy in Russia 1855–1861. Cambridge Mass, 1976; *Orlovsky D.* The Limits of Reform: the Ministry of Internal Affairs in Imperial Russia. 1802–1881. Cambridge Mass, 1981; *Lincoln W.* In the Vanguard of Reforms: Russia's Enlightened Bureaucracy 1825–1861. Dekalb, 1982.

⁷⁵ *Subtelny O.* Domination of Eastern Europe. Native Nobilities and foreign Absolutism. 1500–1715. Montreal, 1986.

аппарата, становится поэтому важнейшим критерием рациональности управления. Основные сдвиги в этой области происходят в периоды реформ, что и определяет преимущественный интерес к ним исследователей.

Подчеркнем, что проблема бюрократии рассматриваемого периода, которой в последние годы был посвящен ряд новых исследований, принадлежит к числу сложных и малоизученных как в западной, так и в отечественной историографии. Остаются по-прежнему дискуссионными многие вопросы возникновения, социальной природы, социальной дифференциации, численного роста данного общественного слоя, а также его место в структуре общества и государственного управления России изучаемого периода. Представляют интерес полученные в исследовании Б. Меан-Уотерс данные о составе правящей элиты или генералитета по окончании реформ Петра, в 30-х годах XVIII в., которые позволяют проследить степень бюрократизации государственного аппарата абсолютизма⁷⁶.

Как показали, например, Р. Джонс, Р. Гивенс, В. Пинтнер и другие исследователи, освобождение дворянства от обязательной государственной службы вело к его оттоку из госаппарата и, следовательно, усилению позиций в нем служилого элемента⁷⁷. Известную роль в развитии данного процесса играла реформа местного управления: поскольку престижность должностей в местном аппарате и его учреждениях была в глазах дворянства невысока, эта область административной деятельности также оказывается в значительной мере под контролем бюрократии. В период Просвещенного абсолютизма продолжают действовать и те тенденции в развитии бюрократии, которые наметились еще в петровское время, происходит количественный рост чиновничества, растет его дифференциация и функциональная специализация, усиливается поляризация различных (высшей, средней и низшей) групп, которая проходит по таким параметрам, как материальное положение, оклад, образование и т.д. Остается, впрочем, дискуссионным вопрос о том, насколько эти тенденции получили развитие и в какой степени на их основании можно говорить об эволюции русского абсолютизма в направлении буржуазной монархии.

Механизм власти и управления как самостоятельная исследовательская проблема всего полнее раскрывается в историографии на материале реформ 60-х годов XIX в. Борьба консервативной бюрократии и сторонников реформ – ключевая проблема ряда исследований по данной теме.

Говоря о бюрократии в период между тремя реформами, исследователи неоднократно подчеркивали наличие преемственности в ее развитии, выражающейся прежде всего в фундаментальной общности принципов социальной стратификации, мобильности (как горизонтальной, так и вертикальной) и рекрутирования чиновников на каждом из этапов. Доказательством этого является интересное исследование данной проблемы, проведенное группой американских ученых по комплексной программе, позволившее получить сопоставимый материал по таким параметрам, как статус, престиж, благосостояние чиновничества, его формальное и неформальное положение в обществе, структура и численность⁷⁸. Эти данные позволяют констатировать устойчивость и стабильность, достаточную гомогенность бюрократии в качестве особого социального слоя, обслуживающего аппарат управления. Отметим, однако, что большинство западных авторов, в том числе М. Раев, Р. Крамми, Т. Эммонс и другие, изучая различные этапы реорганизации административной системы, считают, что русское чиновничество или служилая бюрократия на всем протяжении ее существования имеет мало общего с идеальным типом бюрократии Макса Вебера. Не все ученые на Западе согласились с такой

⁷⁶ Meehan-Waters B. *Autocracy and Aristocracy. The Russian Service Elite of 1730*. New Brunswick, 1982.

⁷⁷ Jones R. *The Emancipation of the Russian Nobility. 1762–1785*. Princeton, 1973; Pintner W. *The Evolution of civil Officialdom. 1755–1855. / Russian Officialdom*. Chapel Hill, 1980.

⁷⁸ *Russian Officialdom. The Bureaucratization of Russian Society from the 17th to the 20th Century*. Chapel Hill, 1980.

постановкой вопроса. Некоторые из них совершенно справедливо, на наш взгляд, указывали на спорность данного тезиса как с теоретической, так и с конкретно-исторической точки зрения. Дело в том, что идеальный тип Вебера есть абстрактная конструкция какого-либо процесса или социального явления в его чистом, идеальном развитии, а потому не совсем правомерна сама постановка вопроса о сравнении любого варианта явления с его абстрактной конструкцией. Важно лишь подчеркнуть, что русский вариант бюрократии по сравнению с западноевропейской, несомненно имел ряд существенных специфических черт. Отсутствие четкой социальной дифференциации, иерархии и развитой корпоративной психологии делало ее весьма своеобразным проявлением общей закономерности.

Мы рассмотрели значение таких компонентов административной системы, как институты и бюрократия, изучение которых представлено соответственно двумя направлениями современной западной историографии реформ государственного строя. В последнее время отчетливо наметилась тенденция к их интеграции, связанная со стремлением к комбинированному изучению нормативных актов, государственных учреждений и социальных структур в рамках единого историко-социологического подхода. Поставлена проблема изучения отношений административной системы как таковой к обществу, а точнее – входящим в его состав сословиям, стратам и статусным группам, которая если и поднималась ранее, то не становилась предметом специального изучения. Для западной социологии характерна разработка типологии отношений государства и общества, которые описываются в категориях «сотрудничества», «конфликта» или «консенсуса» (устойчивого равновесия). Стабильность той или иной административно-политической системы определяется, согласно данной концепции, именно тем, насколько она способна в экстремальных условиях реформ избежать конфликта, добиться консенсуса или даже сотрудничества с обществом в лице его просвещенных слоев. В конечном счете это во многом определяет успех или неуспех проводимых преобразований. По существу, как видим, речь идет об изучении социальной базы государства, тех социальных слоев, на которые оно опирается в проведении политики реформ.

ГЛАВА II

УТВЕРЖДЕНИЕ АБСОЛЮТИЗМА В РОССИИ В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

РУССКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ ДОПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ

Размышляя над кардинальными проблемами современности, мы обнаруживаем, во-первых, что все они имеют корни, уходящие в глубокую древность, и, во-вторых, что многие из них имеют поразительные аналогии в прошлом, наводящие на мысль о преемственности и даже повторяемости исторического развития данной страны. Возникает логический вопрос – а не становятся ли они проявлением каких-либо устойчивых тенденций развития, то и дело дающих о себе знать в разные исторические периоды? Поиск таких постоянно действующих факторов и является главной целью всякого мыслящего историка. Наша задача – сконцентрировать внимание на межформационных, сквозных линиях русской истории. Основными постоянно действующими факторами русского исторического процесса выступают прежде всего особая пространственная и геополитическая ситуация, специфический механизм функционирования сословного строя и, самое важное, – место государства и его институтов в регулировании социальных отношений⁷⁹

⁷⁹ Медушевский А. Н. Формирование российской государственности / Наше отечество. Опыт политической истории. М., 1991. Т.1. Гл. 2.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.